

© 2013 г. И.А. ВИНОГРАДОВ

«ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЕ» ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ*

В статье на материале различных языков семьи майя рассматриваются случаи чрезвычайной семантической близости двух грамматических категорий, которая приводит к строгой взаимной детерминированности их граммов. Наличие очевидных семантических отношений между граммами разных категорий ведет к появлению строгих синтагматических отношений между ними, в результате чего возникает грамматическая система, характеризующаяся не только парадигматическим, но и иерархическим устройством. Для теоретического описания подобных языковых явлений вводится понятие «интерпретирующей» грамматической категории. С целью сопоставительного анализа привлекается материал индоевропейских, нахско-дагестанских и тибето-бирманских языков.

Ключевые слова: грамматическая категория, теория грамматики, ТАМ-система, детерминация, ключивность, аспект, языки майя

There are some closely related grammatical categories that are in a very strict semantic and syntagmatic connection. Their grams are determined by each other, and that leads to emergence of a complex grammatical system whose elements are tied up not only paradigmatically, but also hierarchically. The paper presents a new theoretical approach to such type of systems based on the data from some of the modern Mayan languages. In order to describe grammatical systems of this type a concept of «interpreting» grammatical category is introduced. For comparative reasons, the similar language phenomena from Indo-European, Nakh-Daghestanian, and Tibeto-Burman languages are analyzed.

Keywords: grammatical category, theory of grammar, TAM-system, determination, clusivity, aspect, Mayan languages

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Грамматическая категория обычно понимается в современной лингвистике как «множество взаимоисключающих значений, обязательное для некоторого естественно-го подкласса словоформ данного языка» [Плунгян 2003: 109]. Таким образом, к граммам (т. е. отдельным значениям грамматической категории) предъявляются два требования: взаимоисключительности (или парадигматичности) и обязательности. Есть, однако, множество случаев, когда языковое явление не в полной мере удовлетворяет какому-либо из этих требований и, соответственно, не укладывается в приведенное выше определение. Тем не менее это не мешает, прежде всего по семантическим соображениям, все равно причислять такое явление к грамматическим категориям. К таким «неканоническим» случаям при выделении грамматических категорий, когда семантика «перевешивает» формальные критерии, принадлежат явления типа «импликативной реализации граммов», «контекстной вытеснимости», «квазиграмм» (подробнее см.

* Мы благодарны В.А. Плунгяну и М.А. Даниэлю за активное участие в обсуждении ранних версий данной работы. Мы также выражаем признательность двум анонимным рецензентам, чьи замечания и комментарии помогли существенно улучшить статью.

обзор таких феноменов в [Плунгян 2011: 66–76]; некоторые из них также будут упомянуты ниже).

В данной статье на примере различных языков семьи майя будет рассмотрен еще один «неканонический» случай, который до настоящего времени теоретически не до конца осмыслен. Он также не подходит под строгое формальное определение грамматической категории, но, исходя из семантических и типологических соображений, должен был бы считаться особой ее разновидностью. С целью сопоставительного анализа будет привлечен материал индоевропейских, нахско-дагестанских и тибето-бирманских языков. Для языкового явления, о котором пойдет речь, будет введено понятие «интерпретирующей» грамматической категории¹.

Суть этого явления состоит в том, что две грамматические категории обладают чрезвычайной семантической близостью, которая приводит к строгой детерминированности граммом одной категории граммами другой категории. Наличие очевидных семантических отношений между граммами разных категорий ведет к появлению строгих синтагматических отношений между ними, в результате чего возникает особая грамматическая система, характеризующаяся не только парадигматическим, но и иерархическим устройством.

В языках майя такие «комплексные» (или «двухуровневые» – по числу участвующих грамматических категорий) грамматические системы присутствуют при выражении значений из как минимум трех семантических областей: вида-времени-модальности (ТАМ), детерминации и клюзивности. В разделе 2 будет подробно описана двухуровневая грамматическая ТАМ-система в некоторых языках семьи майя. Сначала будут охарактеризованы общие структурные особенности таких систем, а затем отдельно рассмотрены конкретные системы в двух языках семьи, на примере которых будет показана тесная семантическая взаимосвязь между граммами разных уровней. В разделе 3 будет предложена модель теоретического описания подобного тесного взаимодействия грамматических категорий с помощью понятий «интерпретирующей» и «базовой» грамматической категории. Возможности применения этих понятий к гораздо более широкому кругу языковых явлений посвящен раздел 4, где будут приведены примеры аналогичного устройства грамматических систем в индоевропейских, нахско-дагестанских и тибето-бирманских языках, а также разобраны примеры из других областей грамматики языков семьи майя.

2. ТАМ-СИСТЕМА В ЯЗЫКАХ МАЙЯ

В языках юкатекской ветви семьи майя (в нее входят четыре языка: юкатекский, итца, мопан, лакандон²) и в языке чоль, генетически принадлежащем к чоланской группе цельталанской ветви³, который ареально близок к указанным выше четырем языкам⁴, необычным устройством отличается грамматическая система выражения значений из области аспекта, а в юкатекских языках также модальности и временной дистанции.

¹ Как будет видно из дальнейшего изложения, предлагаемый нами термин ««интерпретирующая» грамматическая категория», несмотря на созвучие с термином ««интерпретационная» грамматическая категория», введенным А.В. Бондарко (см., например, [Бондарко 1992]), никак с ним не связан. Под «интерпретационными» понимаются такие категории, в семантике которых преобладает «интерпретационный компонент», то есть способ отражения (интерпретация) некоторого явления объективной действительности в языковой форме. Так, согласно [Бондарко 1992], в русском языке интерпретационными грамматическими категориями являются залог и вид.

² Три последних языка находятся под угрозой исчезновения.

³ Подробнее о классификации языков майя см., например, в [Campbell, Kaufman 1985]. Современное состояние проблемы описано в [Zavala 2010].

⁴ Все пять языков, о которых идет речь, принадлежат к так называемому «равнинному» (lowlands) ареалу; об ареальном делении языков майя см., например, классическую работу [Kroeber 1939].

Попытка теоретического описания такой системы была предложена в [Виноградов 2012]. Мы будем следовать терминологии этой работы и называть наборы граммем «уровнями»; таким образом, речь пойдет о «двухуровневом» выражении аспектуальных или ТАМ-значений и о препозитивном и суффиксальном уровнях граммем и показателей в языках майя.

2.1. Общая характеристика

Особенность двухуровневых систем состоит в том, что значения из области аспекта, модальности и времени (грамматика языков майя обычно не членит эту область на отдельные составные части) выражаются дважды в составе одного глагольного комплекса: с помощью особого препозитивного показателя и глагольного суффикса. Так, в примере 1а из языка чоль имперфективный аспект выражен с помощью частицы *mi* и суффикса *-el*, а в примере 1б значение дуратива выражено с помощью особой препозитивной частицы и того же самого, что и в примере 1а, суффикса имперфектива.

Чоль:

- (1) a. *che' mi lak-chäm-el mi majl-el ti panchan*
 когда IPFV 1PL.INCL.A⁵-умирать-IPFV IPFV ходить-IPFV PREP небо
 'Когда мы умираем, она <душа> идет на небо' [Whittaker, Warkentin 1965: 87].
- b. *ma'añ-ik majki woli i-mejl-el i-k'ux*
 NEG-IRR кто-нибудь DUR 3.A-мочь-IPFV 3.A-есть-IPFV
 'Никто из них не мог есть' [Gutiérrez Martínez 2001: 61].

На примере 2 показана аналогично устроенная модальная область грамматической системы в юкатекском: показатель предиктива (передает значение абсолютной уверенности говорящего в том, что событие в будущем произойдет вне зависимости от чьей-либо воли или каких-либо внешних факторов) выражается совместно с показателем ирреалиса⁶.

Юкатекский:

- (2) *báanten bñin a jaant-en*
 почему PRED 2.A есть-IRR-1.B
 'Почему ты меня съешь?' [Andrade, Máas Collí 1999: 317].

2.2. Проблема необязательности ТАМ-граммем в юкатекском

Прежде чем перейти к рассмотрению грамматической ТАМ-системы в целом и анализу взаимодействия между ее «уровнями», необходимо подчеркнуть, что и рассматриваемый набор препозитивных показателей, и рассматриваемый набор суффиксов удовлетворяют двум критериям выделения грамматических категорий: обязательности и категориальности. Иначе говоря, оба уровня по отдельности могут рассматриваться как самостоятельные грамматические категории.

⁵ В чоле и юкатекском единственный актант непереходного глагола в ряде случаев может выражаться эргативной серией местоименных аффиксов, а не абсолютивных. Данное явление подробно описано, например, в [Zavala 2010: 161–162]. Этот факт стал причиной отказа во многих дескриптивных работах от терминов «абсолютив» и «эргатив» применительно к некоторым языкам майя. В данной работе мы будем следовать этой традиции и обозначать префиксальную серию аффиксов, которые выражают эргатив при переходных глаголах, «А», а суффиксальную серию, выражающую абсолютив при переходных глаголах, – «В».

⁶ В данном случае при переходном глаголе ирреалис выражен нулем.

Единственную проблему здесь может представлять ограниченное число случаев, когда не соблюдается критерий обязательности. Все они затрагивают препозитивный уровень грамем и могут быть объяснены тем, что препозитивные ТАМ-показатели входят в класс предикативных элементов (показателей финитности). Тем не менее эти «периферийные» случаи заслуживают отдельного внимания в рамках данной статьи; мы разберем их на материале юкатекского языка.

Во-первых, препозитивные показатели являются обязательными в юкатекском лишь в главном предложении, но не в придаточном, где суффиксальные показатели могут, а иногда даже должны употребляться самостоятельно. Во-вторых, даже в главном предложении ни один из препозитивных показателей может не быть употреблен при наличии какого-либо лексического стативного предиката с аспектуально-модальным значением.

Первое свойство проиллюстрируем на следующих примерах. В предложении 3a глагол *il* 'видеть' употреблен в главном предложении и сопровождается препозитивным показателем перфектива, а в предложении 3b тот же самый глагол употреблен без препозитивного показателя (но с показателем ирреалиса из суффиксального набора, в данном случае при переходном глаголе имеющим нулевое выражение), поскольку находится в составе придаточного предложения цели.

Юкатекский:

- (3) a. *jun=p'éeł* *k'iin=e'* *t-uy* *il-aj* *u-baj* *yéetel*
 один=CLF день=DEM PFV-3.A видеть-PFV 3.POSS-REFL с
u *chiich*
 3.POSS бабушка
 'Однажды он увиделся со своей бабушкой' [Andrade, Máas Collí 1999: 51].
- b. *ko'ot-en* *aw* *il* *le* *kéej=a'* *way*
 подходить-IMP 2.A видеть.IRR DEF олень=DEM здесь
 'Подойди посмотреть на этого оленя' [Andrade, Máas Collí 1999: 53].

Это явление объясняется тем, что юкатекские ТАМ-показатели выполняют также и синтаксическую функцию, являясь показателями финитности. Именно поэтому их употребление в зависимых (нефинитных) клаузах невозможно⁷. Поскольку грамматический критерий обязательности понимается не только как обязательное выражение, но и как обязательное невыражение значений при определенных условиях, данное ограничение на употребление препозитивных показателей не позволяет говорить о том, что рассматриваемый набор грамем не обладает свойством обязательности.

Другая проблема состоит в том, что препозитивные показатели обычно находятся в дополнительной дистрибуции с рядом (по всей видимости, потенциально неограниченным) лексических стативных предикатов. В качестве примера можно привести словоформу *suuk* 'иметь обыкновение', которая, как это продемонстрировано на примере 4, занимает место препозитивного показателя, линейно предшествуя эргативному местоимению.

Юкатекский:

- (4) *suuk* *uy* *áalkabans-ik* *xmeerech-o'ob*
 иметь.обыкновение 3.A преследовать-IPFV мерече-PL
 'Она имеет обыкновение преследовать мерече'⁸ [K'aaylay 2006: 58].

⁷ «Редукция» грамматических категорий (в том числе и ТАМ-категорий) в придаточных предложениях засвидетельствована во многих языках и описана типологически: см., например, [Cristofaro 2003].

⁸ Мерече – разновидность ящериц.

Класс таких слов, как *suuk*, весьма обширен. Как правило, они выражают значения из области модальности, аспекта или времени: например, *sáansamal* ‘каждый день’ (пример 5).

Юкатекский:

- (5) *sáansamal* *u* *bin* *tóok* *chúuk* *utia'al* *u* *kon-cj*
 каждый.день 3.A ходить-IPFV жечь-IRR уголь чтобы 3.A продавать-IRR.3.B
 ‘Каждый день он ходил жечь уголь, чтобы продать его’ [Andrade, Máas Colli 1999: 263].

Данное ограничение тоже объясняется исходя из синтаксической природы ТАМ-показателей. Совершенно естественно, что наличие одного предикативного элемента несет в себе запрет на появление другого и, таким образом, блокирует выражение препозитивной ТАМ-категории. Однако необходимо отметить, что юкатекские лексемы, «замещающие» граммы препозитивного уровня, не обязательно полностью исключают возможность их употребления. Случаи сосуществования двух предикативных элементов, по-видимому, носят маргинальный характер, но в текстах все же встречаются: см. пример 6.

Юкатекский:

- (6) *sáansamal* *k-u* *ts'on-ik* *kéej*
 каждый.день IPFV-3.A охотиться-IPFV олень
 ‘Каждый день он охотился на оленей’ [Andrade, Máas Colli 1999: 51].

Функция у лексических «заменителей» точно такая же, как и у препозитивных ТАМ-граммем: синтаксически они являются показателями финитности клаузы, а семантически – уточняют значения базовой категории. Более того, даже линейная позиция у этих лексических элементов точно такая же, как и у грамматических частиц: они открывают глагольный комплекс, предшествуя личному местоимению (см. примеры 4, 5). Этот факт наряду с этимологическими свидетельствами служит основанием для рассмотрения юкатекской системы как грамматикализационного континуума от лексических предикатов через вспомогательные глаголы к префиксальным маркерам (см. [Lehmann 1993]).

2.3. ТАМ-категории как единая грамматическая система

Таким образом, нет никаких существенных формальных препятствий для того, чтобы считать препозитивные и суффиксальные маркеры показателями двух различных и никак не связанных друг с другом грамматических категорий. Тем не менее, как мы полагаем, такой подход не в полной мере отражал бы суть изучаемого языкового явления по двум причинам: во-первых, разные наборы показателей выражают значения из одной и той же семантической области, а во-вторых, они тесно взаимосвязаны четкими правилами сочетаемости.

Первая причина, однако, абсолютно нерелевантна, если подходить к определению грамматической категории с формальной точки зрения: наборы граммем, выражаемых препозитивными частицами и выражаемых суффиксально во всех языках майя, о которых идет речь, представляют собой множества взаимоисключающих элементов, выбор одного и только одного из которых строго обязателен⁹. Иными словами, и та и другая парадигма показателей полностью удовлетворяют формальным требованиям, предъявляемым к грамматической категории по определению.

Однако, следуя такому подходу, мы подгоняем реальные языковые явления под существующие теоретические рамки. Если отвлечься от теоретического формализма,

⁹ Исключения были описаны выше.

то встает необходимость учесть взаимосвязь этих грамматических категорий друг с другом, а для этого у исследователя чрезвычайно мало инструментов, поскольку «проблема взаимодействия категорий является одной из наименее разработанных в теории грамматики» [Плунгян 2011: 73].

2.4. Аспектуальная система в языке чоль

Прежде чем перейти к вопросу о сочетаемости препозитивных и суффиксальных граммем, необходимо рассмотреть всю систему в целом. Система языка чоль немного отличается от систем юкатекских языков количеством и конкретным набором граммем и отсутствием в системе значений из области модальности и временной дистанции, но эти отличия не касаются формальной структуры грамматического выражения. Систему чоль можно назвать аспектуальной, так как в нее входят только граммемы, выражающие аспектуальные значения. Системы же юкатекских языков мы будем называть ТАМ-системами. Сначала рассмотрим общие свойства на примере аспектуальной системы языка чоль, так как она более проста и компактна, а затем сравним ее с системой юкатекского языка как наиболее распространенного представителя юкатекской ветви языковой семьи майя.

Графически чольская аспектуальная система может быть представлена так, как это показано на схеме 1.

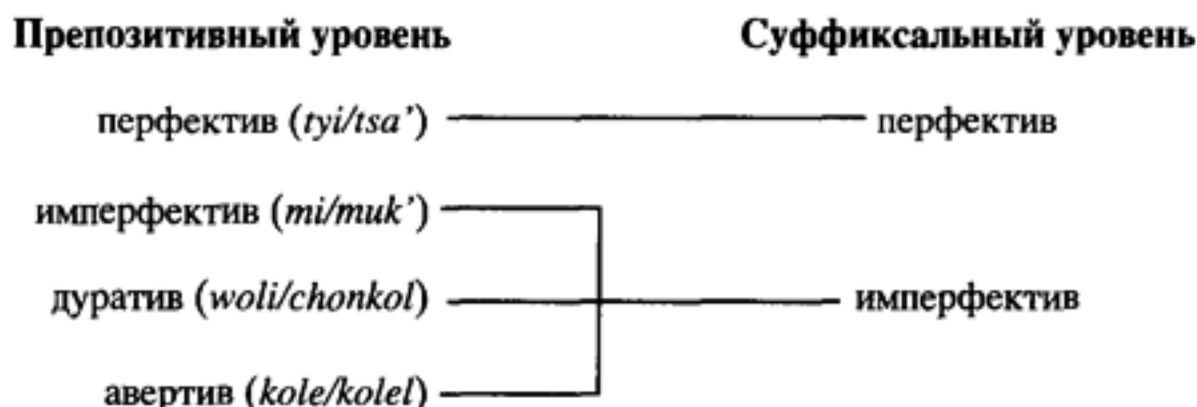

Схема 1. Аспектуальная система языка чоль¹⁰

Граммемы двухуровневых систем не только состоят в отношении категориальности с другими граммемами в рамках своего уровня, но вступают также и в иерархические отношения с граммемами другого уровня. Иными словами, если обычная грамматическая категория может быть графически изображена в виде простого списка, элементами которого являются ее граммемы, то двухуровневая грамматическая система должна быть представлена в виде иерархической структуры с указанием на наличие или отсутствие связей (они изображены линиями на схеме 1) между отдельными элементами разных уровней. Так, приведенные выше в примерах 1 препозитивные показатели имперфектива и дуратива могут сочетаться только с суффиксальным показателем имперфектива, но не перфектива.

В связи с ограничениями на сочетаемость одних граммем с другими необходимо сделать несколько важных замечаний. Как видно на схеме 1 и как будет еще более наглядно показано на схеме 2 (ниже), граммем суффиксального уровня заметно меньше, чем препозитивного. Это может быть связано с их семантикой: граммемы суффиксального уровня выражают более общие значения, а препозитивного – более частные. Иерархия граммем, вероятнее всего, основана на семантическом отношении гипо- и гиперонимии: граммемы препозитивного уровня как бы «уточняют» значения граммем суффиксального уровня. Однако необходимо признать, что, во-первых, исследовать

¹⁰ В связи с отсутствием устоявшейся терминологии для некоторых граммем на схемах 1, а также 2 и 3 (ниже) в скобках, где это необходимо, приводится грамматический показатель. В случае наличия более двух алломорфов указываются только два наиболее распространенных.

значение граммы одного уровня отдельно от значения сочетающейся с ней граммы другого уровня практически невозможно: друг без друга они практически не употребляются¹¹, а во-вторых, есть ряд исключений из правила о гипо- / гиперонимичности межуровневых отношений. Так, подобным образом плохо объясняется сочетаемость авертива (несовершенного или отмененного действия в прошлом) с имперфективом в чоле, а также перфекта и целого ряда модальных грамм с имперфективом и грамм временной дистанции с ирреалисом в юкатекском (см. ниже)¹². Приходится признать, что граммы суффиксального уровня, несмотря на то что для их наименования используется аспектуальная номенклатура, часто имеют очень размытую семантику. В большинстве случаев их удобнее считать семантически почти пустыми и выполняющими скорее синтаксические функции.

Наличие двух уровней в грамматической системе в первую очередь может быть обусловлено сложным семантическим устройством той понятийной области, значения из которой выражаются элементами этой системы. Так, категория аспекта с ее «первичными» значениями, характеризующими разные стадии развития ситуации, «вторичными» значениями, характеризующими переход предиката из одного акционального класса в другой (о «первичном» и «вторичном» аспекте см. подробнее в [Плунгян 2012: 12–13]), а также кластеризацией значений¹³, несомненно, является крайне сложно устроенной семантической областью, которая может требовать особых, дополнительных «приспособлений» для своего адекватного выражения грамматикой языка. Именно явление аспектуальной кластеризации предоставляет обширные возможности для наличия гипо- и гиперонимических отношений между граммами: исходя из самого определения кластера его значение является «родовым» по отношению ко всем входящим в него более частным значениям.

2.5. ТАМ-система в юкатекском

Как показывает материал языков майя, семантическая область, которая стоит за двухуровневой системой, бывает устроена сложнее, чем в языке чоль. В языках юкатекской группы совместно с аспектуальными в рамках единой двухуровневой грамматической системы выражаются также значения из области модальности и временной дистанции. На схеме 2 приведена структура ТАМ-системы в юкатекском.

Сравнивая эту систему с аналогичной системой языка чоль (см. схему 1), можно заметить ряд отличий и, что важнее, ряд формальных сходств. Главное различие, конечно, состоит в объеме: в юкатекском вдобавок к тремграммам суффиксального уровня представлено 15 различных грамм препозитивного уровня¹⁴, что делает эту систему уже саму по себе весьма необычной, даже без учета ее неординарного двухуровневого устройства. По сравнению с чолем юкатекский имеет дополнительную модальную грамму ирреалиса на суффиксальном уровне, а также девять препозитивных грамм: пять модальных и четыре временной дистанции.

Однако формальная структура системы юкатекского точно такая же, как и у системы чоля: граммы так же распределены по двум уровням, на суффиксальном уровне их

¹¹ Из этого правила могут быть исключения, касающиеся лишь отдельных показателей суффиксального уровня. Так, уже отмечалось, что в юкатекском в придаточных предложениях суффиксальные показатели употребляются без препозитивных. В чоле в крайне редких случаях суффиксальный показатель имперфектива может не сопровождаться никаким препозитивным показателем, когда выражает кульминацию в нарративном дискурсе.

¹² Проблема семантики межкатегориальных отношений, как и проблема грамматической семантики аспектуально-модальных показателей в языках майя вообще, на данный момент изучена недостаточно хорошо.

¹³ Под аспектуальными кластерами обычно понимаются «полисемичные конкретно-языковые грамматические показатели» [Плунгян 2012: 13].

¹⁴ В разных работах, посвященных грамматике юкатекского майя, число этих грамм может варьировать: мы опираемся на наиболее полное и современное исследование [Bohnemeyer 1998]. Оттуда же в основном заимствованы и названия грамм препозитивного уровня.

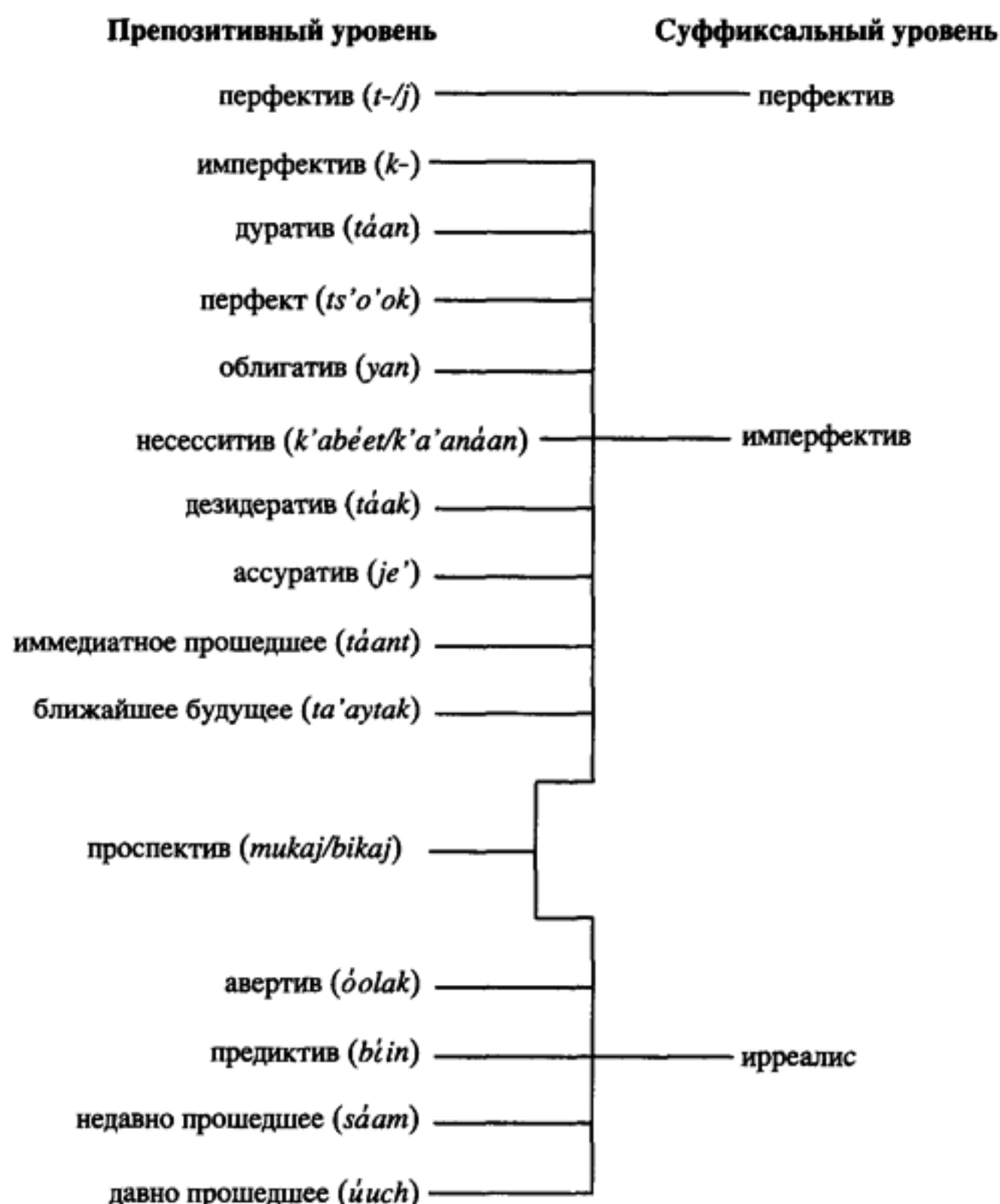

Схема 2. ТАМ-система в юкатекском

меньше, чем на препозитивном, и их значения более общие, а на препозитивном уровне, наоборот, граммем больше, но они выражают более частные значения. Как и в чоле, каждая препозитивная граммема должна выражаться совместно со строго определенной суффиксальной граммемой и только с ней. Исключение составляет лишь граммема проспектива, которая на схеме 2 соединена и с имперфективом суффиксального уровня, и с ирреалисом. Но и здесь выбор одного из двух возможных сочетаний обусловлен не семантически, а синтаксически, так как зависит исключительно от переходности глагола: с непереходными глаголами выбирается имперфектив, а с переходными – ирреалис [Bohnetmeuer 1998: 25]. Иначе говоря, зная формальные свойства глагола, с которым употреблен показатель проспектива, всегда можно со стопроцентной точностью определить показатель суффиксального уровня, с которым он будет сочетаться.

3. ПОНЯТИЕ «ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ» КАТЕГОРИИ

Проблема теоретической трактовки описанных выше систем и проблема применимости к ним термина «грамматическая категория» могут быть решены по крайней мере двумя способами. Во-первых, может быть пересмотрено понятие грамматической категории. Это было бы достаточно смелым шагом, поскольку данное понятие

существует уже несколько десятков лет и является основополагающим для теории грамматики. Тем не менее сам процесс пересмотра и уточнения теоретических понятий является совершенно естественным: по мере открытия новых языковых фактов, которые не укладываются или не совсем укладываются в существующие теоретические рамки, возникает естественная потребность в раздвижении этих рамок, дабы избежать разрыва между теорией и теми реалиями, которые она призвана описывать и объяснять.

Двухуровневые системы языков майя можно было бы считать особой двухуровневой грамматической категорией, которая является разновидностью «обычной» грамматической категории, если внести в определение этого понятия следующее изменение: допустить возможность неполного соблюдения принципа категориальности, когда того требует семантическое единство обоих уровней. Нарушение категориальности касается лишь межуровневых отношений; категориальность внутри каждого отдельного уровня граммем неизменно должна сохраняться, а сочетаемостные отношения между уровнями должны строиться на однозначном (но не взаимно-однозначном!) соответствии граммем одного уровня граммемам другого уровня.

Другим вариантом решения теоретической проблемы двухуровневых систем, который позволит избежать пересмотра понятия грамматической категории и в то же время учесть семантико-синтаксические связи между двумя уровнями граммем, является введение понятия «интерпретирующей»¹⁵ грамматической категории. Такую «интерпретирующую» категорию можно определить как грамматическую категорию, обязательно употребляющуюся совместно с какой-либо другой грамматической категорией, значения которой она интерпретирует (т. е. уточняет или модифицирует). При этом «базовая» категория также либо вообще не может употребляться без интерпретирующей категории, либо не могут отдельно употребляться только некоторые ее граммемы, по тем или иным причинам требующие обязательного уточнения своего значения граммемами интерпретирующей категории.

Так, согласно предложенному определению, в языках майя мы имеем дело с интерпретирующей категорией аспекта (в языке чоль) и с интерпретирующей ТАМ-категорией (в юкатекских языках). Суффиксальный уровень двухуровневых систем при таком подходе составляет базовую грамматическую категорию, а препозитивный – интерпретирующую.

Единственный случай, когда говорить о модификации граммемой интерпретирующей категории значения граммемы базовой категории не совсем корректно, – когда с одной из базовых граммем может употребляться одна и только одна интерпретирующая. В такой ситуации у говорящего нет возможности выбрать другую препозитивную граммему и добиться альтернативной интерпретации значения граммемы базовой категории. Именно эта ситуация имеет место в ТАМ-системе языков майя с граммемами перфектива: и в чоле, и в юкатекском перфектив суффиксального уровня сочетается с перфективом препозитивного и только с ним (см. схемы 1, 2).

Как будет показано в разделе 4, ситуация, при которой одна или несколько граммем базовой категории вообще не требуют интерпретации своего значения, вполне обычна. С такими базовыми граммемами язык чаще вообще отказывается употреблять какую бы то ни было интерпретирующую граммему (см. описание таких систем в подразделах 4.2 и 4.3). В случае с ТАМ-системами в майя стратегия иная: по-видимому, валентность, предусмотренная в глагольном комплексе для показателей интерпретирующей категории, обязательно должна быть заполнена, и в случае с перфективом, несмотря на отсутствие семантического противопоставления, она заполняется исключительно из формальных соображений.

Важно отметить следующую закономерность в линейном расположении показателей базовой и интерпретирующей грамматических категорий. В предыдущем разделе

¹⁵ Мы благодарны В.А. Плунгяну, который предложил данный термин.

говорилось о том, что показатели базовой ТАМ-категории в языках майя являются суффиксальными, тогда как показатели интерпретирующей категории препозитивны и всегда предшествуют префиксальным лично-числовым показателям (см. выше примеры 1 и 2). Более того, между частицами, выражающими значения интерпретирующей категории, и глагольной словоформой могут находиться некоторые наречия, как это показано в примере 7.

Чоль:

- (7) wäle ma'an=ix woli k-chän toj k-mul
теперь NEG=уже DUR I.A-постоянно платить.IPFV I.POSS-грех
'Теперь я больше не расплачиваюсь за свои грехи' [Whittaker, Warkentin 1965: 124].

Наречием 'постоянно' отделен от корня в данном случае не только препозитивный показатель дуратива, но и показатель лица субъекта. Таким образом, линейная позиция интерпретирующих показателей находится значительно дальше от глагольного корня, чем позиция базовых показателей. Такое линейное расположение грамматических показателей характеризует не только ТАМ-систему глагола в языках майя, но, как будет показано в разделе 4, все грамматические системы с аналогичным устройством, где могут быть выделены базовая и интерпретирующая категории.

Это полностью соответствует принципу релевантности Дж. Байби и «грамматике порядков» (впервые описана в [Gleason 1955]; см. также [Ревзин, Юлдашева 1969]). В терминах Байби, один языковой элемент считается релевантным по отношению к другому, если «семантическое наполнение первого элемента затрагивает или модифицирует семантическое наполнение второго элемента» [Bybee 1985: 13]. Степень релевантности может варьировать и отражается в линейной удаленности элементов друг от друга. Чем ближе к глагольному корню расположен элемент, тем более тесно он семантически связан с лексическим значением корня. Так, базовая категория всегда более «релевантна» по отношению к корневой морфеме, чем интерпретирующая, что совершенно естественно: значения интерпретирующей категории в первую очередь связаны со значениями базовой категории, и лишь затем, через посредство базовой категории, – с корнем.

4. ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ЯЗЫКАХ МАЙЯ И В ЯЗЫКАХ ДРУГИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ АРЕАЛОВ

Вводя новое теоретическое понятие, было бы полезно хотя бы примерно оценить его потенциальную теоретическую значимость: применимо ли оно к каким-либо другим языковым явлениям, помимо того, для описания которого оно, собственно, и было создано. В связи с понятием интерпретирующей грамматической категории таких явлений может найтись довольно много, причем как в рамках самих языков майя, так и за их пределами.

4.1. ТАМ-системы индоевропейских и нахско-дагестанских языков

Двухуровневые грамматические системы с интерпретирующей категорией, представленные в некоторых языках майя и подробно описанные в разделе 2, можно сравнить с системами с несколькими глагольными основами, от которых образуются разные временные, аспектуальные и модальные формы. Подобные системы представлены во многих языках мира: например, в ряде языков Кавказа и Европы. Они обычно не рассматриваются как «двухъязычные», а факту образования разных грамматических форм от разных основ часто не уделяется должного теоретического внимания (хотя см., например, работы [Aronoff 1994] и [Blevins 2003]). Правила образования тех или иных форм обычно подробно описаны в дидактических пособиях, но их семантическая составляющая во многих случаях остается не до конца изученной. Эта проблема отмечена на примере латинских причастий будущего времени в [Aronoff 1994: 32–33]: будущее

активное причастие образуется прибавлением суффикса *-ir* к основе перфектного причастия, тогда как перфектное причастие обычно пассивно. Пассивное же причастие будущего времени (герундив) образуется от основы настоящего времени. Таким образом, соотношение семантики исходной основы и результирующей семантики глагольной формы остается под вопросом.

Наличие в языке нескольких основ предполагает выражение ими наряду с лексическим также и грамматического значения. При этом конкретный способ образования основы (супплетивизм, чередование, добавление отдельной морфемы и т. п.) не важен, поскольку для грамматической теории нет принципиальной разницы между «морфемой» и «операцией». Удобным формальным аппаратом для описания грамматических систем с несколькими основами могли бы стать понятия базовой и интерпретирующей категорий.

Так, например, греческая или латинская глагольная парадигма может быть описана как взаимодействие базовой грамматической ТАМ-категории, формирующей основу глагола, и интерпретирующей категории, граммемы которой передают непосредственно видо-временные значения. Глагольная система древнегреческого языка с основами презенса, аориста и перфекта, таким образом, по своей структуре окажется похожа на юкатекскую глагольную систему (раздел 2.5). Аналогичным устройством отличается и латинская глагольная парадигма. Способ образования основы при этом может быть различным: иногда, как в юкатекском, используются отдельные морфемы (*laudāre* ‘хвалить’: *laudā-t – laudā-v-i – laudā-t-um*), а иногда применяются более сложные морфологические инструменты (*scribere* ‘писать’: *scrib-i-t – scrips-i – script-um*), не позволяющие на синхронном уровне вычленить отдельный морфологический показатель.

«Двухъярусное» устройство имеет и ряд языков кавказского региона: например, даргинский [Беляев 2012] или удинский [Талибов, Майсак 2005; Майсак 2008]. Так, в большинстве нахско-дагестанских языков представлены две глагольные основы, называемые обычно перфективной и имперфективной. Вместе с ними употребляются аффиксальные показатели, выражающие значения аспекта, времени и модальности. Согласно предложенному в данной работе определению, грамматическую категорию, которую составляют эти показатели, мы будем называть интерпретирующей¹⁶.

Система некоторых нахско-дагестанских языков оказывается практически идентичной системе чоля и юкатекских языков семьи майя, с той лишь незначительной морфологической разницей, что интерпретирующая ТАМ-категория выражается не препозитивно, а суффиксально. Семантическая же структура (разумеется, с точностью до конкретного набора грамем) оказывается такой же: ср. схему 3 для удинского языка со схемами, приведенными в разделе 2 для языков майя.

В большинстве случаев граммемы интерпретирующей категории «уточняют исходное значение видовой основы»; то есть, как и в языках майя, «происходит не аддитивное сочетание значений, а частичное их пересечение» [Беляев 2012: 215]. Более того, что также соответствует майянскому материалу, во многих нахско-дагестанских языках «большинство видо-временных парадигм сочетаются либо с перфективом, либо с имперфективом, но не с обеими основами сразу» [Там же: 214]. Правда, рассматриваемый в цитируемой работе даргинский язык как раз отличается тем, что имеет ряд исключений из этого правила.

¹⁶ Во многих работах, посвященных дагестанским языкам, глагольные основы или вообще не рассматриваются с точки зрения грамматических категорий, или называются «видовыми». См., например, терминологию в [Беляев 2012], где говорится о присоединении к видовым основам суффиксов аспекта, времени и модальности. То есть фактически уже на уровне терминологии подчеркивается общность (по крайней мере частичная) той семантической зоны, за которую отвечают две рассматриваемые грамматические категории, но благодаря особенностям лингвистической терминологической традиции в области аспекта и сосуществованию двух синонимичных (или почти синонимичных) терминов «вид» и «аспект» автору удается избежать описания двух разных категорий в одних и тех же терминах.

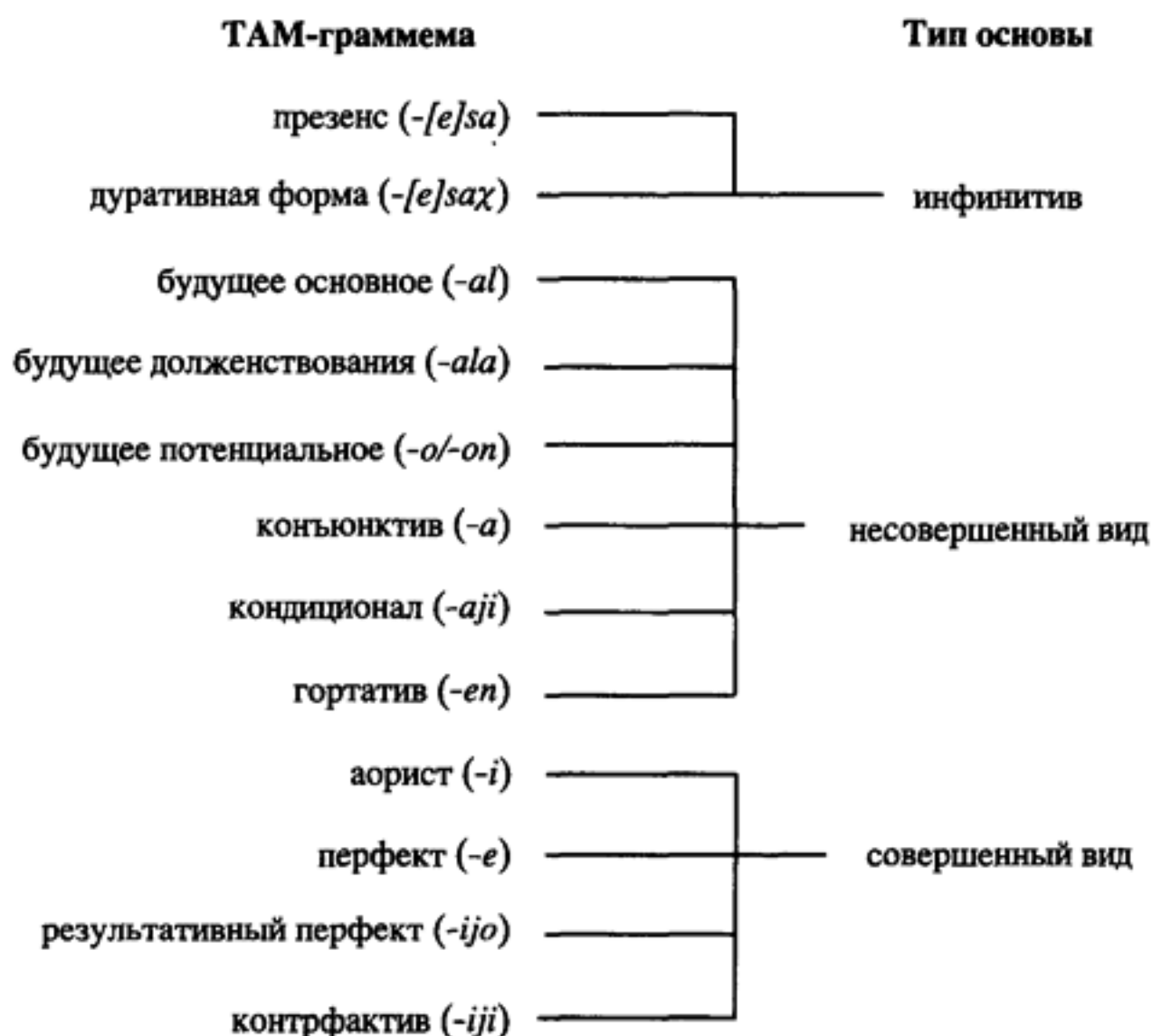

Схема 3. Фрагмент структуры глагольной парадигмы удинского языка
(по [Майсак 2008])¹⁷

4.2. Система выражения детерминации в языке цоциль

В языке цоциль, относящемся к цельталанской ветви языковой семьи майя (к той же, к которой относится язык чоль), аспект выражается обычной «одноуровневой» грамматической категорией. Однако в нем двухуровневая структура обнаруживается у грамматического выражения детерминации благодаря наличию дополнительной интерпретирующей категории.

Грамматическая система детерминации в языке цоциль устроена следующим образом: есть два различных определенных артикля *li* и *ti*, которые обязательно должны сопровождаться энклитикой *-e*. Получается, как это можно видеть на примерах 8, своего рода циркумфиксное выражение.

Цоциль:

- (8) а. **li** t'ul=e ta x-elk'an to ox melon
DEF кролик=ENCL IPFV IPFV-воровать еще не.сейчас дыня
'Кролик воровал дыни' [полевые записи 07/11/2011]¹⁸.

¹⁷ На схеме представлен лишь тот фрагмент глагольной парадигмы, который состоит из финитных форм, выражающих аспектуально-темпорально-модальные значения. Мы не рассматриваем императив и нефинитные формы. Все названия граммем и показатели полностью заимствованы из [Майсак 2008].

¹⁸ Полевая работа с носителями синакantanского диалекта языка цоциль была проведена во время нашего пребывания в Учебно-образовательном центре по социальной антропологии города Сан-Кристобаль-де-лас-Касас, штат Чиapas, Мексика. Мы выражаем признательность Роберто Савала и другим сотрудникам Центра, а также нашему консультанту Хуану Хавьеру Пересу. Финансирование полевой работы было осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

b. ch-a-j-ti' ta oga, xi la ti
 IPFV-2.ABS-1.ERG-есть PREP сейчас 3.ERG.PFV.говорить EVID DEF
 bolom=e
 ягуар=ENCL
 'Я тебя сейчас съем, – сказал ягуар' [Laughlin 1977: 48].

Однако считать показатели детерминации в цоциле циркумфиксными было бы, на наш взгляд, ошибочно (как и считать циркумфиксными, например, ТАМ-показатели в юкатекском, о которых шла речь выше). Они имеют явную внутреннюю структуру: общую энклитику и разные препозитивные частицы. То есть грамматическая структура оказывается идентичной структуре двухуровневых аспектуальных систем: есть показатель одного уровня и обязательные показатели другого уровня, уточняющие его значение. Разница лишь в том, что здесь показатель с «основным» значением один, а в случае с аспектом в чоле их два (или даже три для ТАМ-категории в юкатекском).

Но количество показателей является второстепенным фактором, зависящим, прежде всего, от семантической сложности и неоднородности конкретной понятийной области; и в этом смысле, несомненно, аспект – область, гораздо более сложно устроенная семантически, чем детерминация. Суть же явления не меняется: неопределенность выражается нулем и не требует дополнительной интерпретации граммемами второй категории, а определенность передается с помощью энклитики *-e*, и это значение обязательно должно уточняться одной из двух граммем интерпретирующей категории.

Препозитивные частицы (или артикли) *li* и *ti* отличаются друг от друга дейктическим оттенком значения. Второй выражает удаленность маркируемого им имени во времени или пространстве, тогда как первый – наоборот, близость [Naviland 1981: 30–31]. Удаленность и близость понимаются в данном случае не совсем так, как это было бы привычно носителю европейского языка. Удаленность, выражаемая артиклем *ti*, носит глобальный характер: она означает нахождение вне зоны досягаемости. Этот артикль, если он употреблен с именем человека, может означать, что он уже умер, что он является героем сказки или легенды и тем самым вообще принадлежит к иному, вымышленному миру, либо что он находится территориально очень далеко – например, в другой стране. Соответственно, артикль *li* используется всегда, когда невозможно использовать *ti*. В повседневном дискурсе, как правило, используется именно *li*, тогда как в нарративах, особенно когда рассказывается какая-нибудь древняя легенда или притча, может употребляться исключительно *ti*.

Категория детерминации в цоциле графически представлена на схеме 4¹⁹.

Схема 4. Система детерминации языка цоциль

Как нетрудно заметить, в систему грамматического выражения детерминации входят также значения из области темпорально-пространственного дейксиса. Вполне

¹⁹ Скобки на схеме обозначают, что данная граммема всегда имеет нулевое выражение и может быть отнесена к какому-либо из уровней лишь формально.

возможно, что для двухуровневых грамматических систем вообще крайне характерно такое «комплексное» семантическое устройство: в разделе 2 мы показали, что аспект в тех языках семьи майя, где он выражается при помощи дополнительной интерпретирующей категории, также часто сочетает в себе еще и значения из других семантических областей: модальности и временной дистанции.

4.3. Категория кляузности как интерпретирующая категория

Другая аналогия с аспектуально-модальными системами – это выражение значений кляузности. Семантика категории кляузности, которая выражает включение или невключение слушающего в состав участников первого лица множественного числа, такова, что эта категория совершенно естественным образом становится интерпретирующей: она семантически может сочетаться исключительно с одной граммемой категории лица (и числа), уточняя ее значение. В тех языках, где кляузность выражается не кумулятивно с первым лицом множественного числа (т.е. можно выделить два отдельных показателя: лично-числовой и кляузный), мы имеем дело, если придерживаться введенной в данной работе терминологии, с интерпретирующей грамматической категорией кляузности.

Именно так, например, если продолжать рассматривать материал языков майя, устроена категория кляузности в языке цоциль. Обычно выделяются инклюзивные суффиксы *-tik* или *-otik* (в зависимости от синтаксической роли: первый суффикс сочетается с эргативными или посессивными лично-числовыми префиксами, а второй – с абсолютивными: см. примеры 9) и эксклюзивные суффиксы *-tikotik* или *-otikotik* (распределенные точно так же: см. примеры 10) [Aissen 1987: 46–47].

Цоциль:

- (9) a. *bweno, j-tsak-tik, xi ti pukuj=e*
хорошо 1.ERG-ловить-1PL.INCL 3.ERG.PFV.говорить DEF дьявол=ENCL
'Хорошо, мы поймаем его, сказали дьяволы' [Laughlin 1977: 26].
- b. *y-u'un ха li' ch-i-laj-otik=e*
3.POSS-причина уже здесь IPFV-1.ABS-умирать-1PL.INCL=ENCL
'Потому что мы сейчас уже умрем' [Laughlin 1977: 34].

Цоциль:

- (10) a. *mu ха ху' k-u'un-tik-otik=e*
NEG уже быть.способным 1.POSS-причина-1PL-EXCL=ENCL
'Мы больше не можем делать это сами' [Laughlin 1977: 38].
- b. *l-i-bat-otik-otik ta te'-tik k'al s-na*
PFV-1.ABS-уходить-1PL-EXCL PREP дерево-PL.EXT где 3.POSS-дом
j-muk' tot
1.POSS-большой отец
'Мы ушли в леса, где находится дом моего дедушки' [Laughlin 1977: 94].

Систему выражения значений кляузности было бы правильно рассматривать несколько иначе. Может быть выделен общий суффикс *-(o)tik*, выражающий первое лицо и множественное число, и прибавляющийся к нему суффикс *-otik*, выражающий эксклюзивность (как это показано при глоссировании). Инклюзивность при этом выражается нулем и является, если рассуждать в терминах маркированности, «немаркированным» значением интерпретирующей грамматической категории кляузности.

На схеме 5 представлена двухуровневая лично-числовая система языка цоциль, аналогичная системам аспекта в чоле, ТАМ в юкатекском и удинском и детерминации в цоциле (схемы 1–4). Отдельно рассматривать эргативную и абсолютивную парадигму нет смысла, так как их структура (но не конкретное морфологическое наполнение) абсолютно идентична.

Категория лица и числа

Категория кляузности

1-е лицо, ед. число

2-е лицо, ед. число

2-е лицо

1-е лицо, мн. число

2-е лицо, мн. число

(инкляузив)

экскляузив

Схема 5. Лично-числовая система абсолютного маркирования в цоциле

Отметим также, что у эргативно-посессивного экскляузивного суффикса есть алломорф *-kotik / -kutik*²⁰ (пример 11).

Цоциль:

- (11) k'usba ch-i-kuxi-kutik ti k'alal-uk mu'yuk li'
 как IPFV-1.ABS-жить-1PL.EXCL REL когда-IRR NEG.EXIST здесь
 ou-ot=e
 EXIST-2.ABS=ENCL
 'Как мы будем жить, когда тебя с нами не будет?' [Había una vez 2005: 32]

Входящие в состав данного суффикса показатель первого лица множественного числа и показатель экскляузивности неотделимы друг от друга. Поэтому данная форма имеет лишь «семантическую» двухуровневость, но не морфологическую. Неудивительно, что кумулятивное выражение особенно активно развивается, когда две морфемы, принадлежащие базовой и интерпретирующей грамматическим категориям, линейно соседствуют друг с другом, как это происходит в случае выражения кляузности в языке цоциль. Именно поэтому двухуровневые системы, где один уровень выражается суффиксальными показателями, а другой – препозитивными, как в рассмотренных выше примерах с категориями аспекта (или TAM-категории) и детерминации, гораздо более устойчивы и не имеют тенденции к кумулятивному выражению значений.

Подобная структура категории кляузности, которая была выше описана для языка цоциль, встречается и в языках других географических ареалов. Например, наличие отдельных морфем, выражающих значения инкляузности и экскляузности и употребляющихся совместно с показателем первого лица множественного числа, характерно для некоторых языков тибето-бирманской группы.

Так, в языке баима (восточно-тибетская ветвь) местоимения первого лица множественного числа имеют вид *zo-ko* и *ne-ko* [LaPolla 2005: 297], где *ko* является лично-числовым показателем, а *zo* и *ne* – показателями инкляузности и экскляузности соответственно. Отличие системы баима от системы цоциля состоит в том, что оба значения категории кляузности имеют морфологическое выражение и ни один из них не выражен нулем.

Кляузность может быть выражена не отдельно, а совместно с числом – такова ситуация в языке ладакхи (западно-тибетская ветвь), где местоимения первого лица множественного числа образованы от местоимения первого лица единственного числа

²⁰ Различия в качестве гласной обусловлены диалектно.

на при помощи двух суффиксов: *təŋ* и *zə* [LaPolla 2005: 297], кумулятивно выражающих множественное число с инклюзивностью и с эксклюзивностью соответственно.

Таким образом, в баима и ладакхи также могут быть выделены показатели интерпретирующей грамматической категории клязивности (а во втором случае – клязивности и числа). В силу своей семантики они используются только с первым лицом и уточняют его значение: включается адресат в состав участников или нет. Подчеркнем, что данная категория имеет несомненный грамматический статус, поскольку она обязательна в рамках своей, пусть и очень узкой, сферы употребления: говорящий, выражая значение первого лица множественного числа (а также двойственного, если оно есть в грамматической системе), не может отказаться от уточнения клязивности; иными словами, он не может употребить просто форму первого лица множественного числа без какого-либо клязивного показателя. Важным отличием от ТАМ-систем в чоле и юкатекском, однако, является тот факт, что граммемы базовой категории, не позволяющие уточнить свое значение граммемами интерпретирующей категории, не требуют обязательного заполнения этой валентности семантически пустым показателем, как это происходит в случае с перфективной ТАМ-граммемой.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двухуровневые системы выражения аспектуальных значений в языке чоль и значений из совместной области аспекта, модальности и временной дистанции в языках юкатекской ветви семьи майя представляют собой такие грамматические системы, которые состоят из двух наборов взаимоисключающих (внутри каждого из наборов) грамматических значений, одно и только одно из которых обязательно должно быть выражено (опять же из каждого набора). Выбор того или иного значения из одного набора строго детерминирует выбор значения из другого набора, но обратное неверно. При этом значения из обоих наборов принадлежат к одной и той же семантической области и правила сочетаемости друг с другом значений из разных наборов во многих случаях могут быть обусловлены семантическим отношением гипо- и гиперонимии, в которое вступают граммемы разных уровней. Подобные системы из двух тесно взаимосвязанных семантически и синтаксически грамматических категорий мы предложили описывать в терминах «базовой» и «интерпретирующей» грамматических категорий.

Понятие интерпретирующей грамматической категории может оказаться полезным, когда внутренняя структура выражаемой в грамматике семантической области²¹ представляет собой не список, а иерархию. По всей видимости, типологически такие системы достаточно редки, однако мы привели ряд свидетельств, доказывающих, что в некоторых языках майя они могут быть предложены сразу для трех семантических областей: аспекта-модальности, определенности и клязивности. Вполне вероятно, что одни естественные языки (например, языки семьи майя) могут иметь более яркую тенденцию к отражению в грамматике особенностей семантической взаимосвязи между отдельными грамматическими категориями или их значениями, чем другие.

Наличие безусловных параллелей с глагольными системами в некоторых языках Кавказа и Европы и с системами выражения значений клязивности в отдельных языках тибето-бирманской группы доказывает наличие типологического потенциала у понятия интерпретирующей грамматической категории. Возможно, осмысление факта существования данного феномена в типологическом плане поможет обнаружить подобные «двухуровневые» (а может быть, и «многоуровневые») грамматические системы и в каких-либо других языках мира, где они есть, но в связи с отсутствием хорошего инструмента теоретического описания пока остались незамеченными.

²¹ Как мы показали, область может быть любой (глагольной, именной), но, по всей видимости, чем сложнее она устроена семантически, тем с большей вероятностью она будет сложно устроена грамматически.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А – серия местоименных показателей А,	IMP – императив,
ABS – абсолютив,	INCL – инклюзив,
В – серия местоименных показателей В,	IPFV – имперфектив,
CLF – классификатор,	IRR – ирреалис,
DEF – определенность,	NEG – отрицание,
DEM – демонстратив,	PFV – перфектив,
DUR – дуратив,	PL – множественное число,
ENCL – энклитика,	POSS – посессивный показатель,
ERG – эргатив,	PRED – предиктив,
EVID – эвиденциальность,	PREP – предлог,
EXCL – эксклюзив,	REFL – рефлексивное местоимение,
EXIST – экзистенциальный предикат,	REL – маркер придаточного предложения.
EXT – экстенсивная множественность,	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев 2012 – *О.И. Беляев*. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб., 2012.
- Бондарко 1992 – *А.В. Бондарко*. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания. 1992. № 3.
- Виноградов 2012 – *И.А. Виноградов*. Аспектуальные системы языков майя // Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб., 2012.
- Майсак 2008 – *Т.А. Майсак*. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М.Е. Алексеев (отв. ред.), Т.А. Майсак (отв. ред.), Д.С. Ганенков (ред.), Ю.А. Ландер (ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008.
- Плунгян 2003 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Плунгян 2012 – *В.А. Плунгян* (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб., 2012.
- Ревзин, Юлдашева 1969 – *И.И. Ревзин, Г.Д. Юлдашева*. Грамматика порядков и ее использование // Вопросы языкознания. 1969. № 1.
- Талибов, Майсак 2005 – *Б.Б. Талибов, Т.А. Майсак*. Удинский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. Т. 3. М., 2005.
- Aissen 1987 – *J.L. Aissen*. Tzotzil clause structure. Dordrecht, 1987.
- Andrade, Máas Colli 1999 – *M.J. Andrade, H. Máas Colli* (eds). Cuentos mayas yucatecos. T. 1. Mérida, 1999.
- Aronoff 1994 – *M. Aronoff*. Morphology by itself. Stems and inflectional classes. Cambridge; London, 1994.
- Blevins 2003 – *J. Blevins*. Stems and paradigms // *Language*. 2003. V. 79. № 4.
- Bohnenmeyer 1998 – *J. Bohnemeyer*. Time relations in discourse: Evidence from a comparative approach to Yukatek Maya. Tilburg, 1998.
- Bybee 1985 – *J.L. Bybee*. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Campbell, Kaufman 1985 – *L. Campbell, T. Kaufman*. Mayan linguistics: Where are we now? // *Annual review of anthropology*. 1985. № 14.
- Cristofaro 2003 – *S. Cristofaro*. Subordination. Oxford, 2003.
- Gleason 1955 – *H.A. Gleason*. An introduction to descriptive linguistics. New York, 1955.
- Gutiérrez Martínez 2001 – *V.R. Gutiérrez Martínez* (ed.). Selección de cuentos: Chol. Tuxtla Gutiérrez, 2001.
- Había una vez 2005 – *Había una vez una noche...* Cuentos, leyendas, historias desde las montañas de Chiapas. www.serazln-altos.org/habia_una_vez_una_noche_cast_tsotsil.pdf. 2005.
- Haviland 1981 – *J.B. Haviland*. Sk'op sotz'leb – el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán. México, 1981.
- K'aaylay 2006 – *K'aaylay*: Revista de cultura maya. 2006. V. 1. № 8.

- Kroeber 1939 – *A.L. Kroeber*. Cultural and natural areas of native North America. Berkeley, 1939.
- LaPolla 2005 – *R.J. LaPolla*. The inclusive-exclusive distinction in Tibeto-Burman languages // *Clusivity: Typology and case studies of the inclusive-exclusive distinction*. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Laughlin 1977 – *R.M. Laughlin*. Of cabbages and kings: Tales from Zinacantán. Washington, 1977.
- Lehmann 1993 – *C. Lehmann*. The genesis of auxiliaries in Yucatec Maya // *Proceedings of the International congress of linguists*. 1993. V. 15. № 2.
- Whittaker, Warkentin 1965 – *A. Whittaker, V. Warkentin*. Chol texts on the supernatural. Oklahoma, 1965.
- Zavala 2010 – *R. Zavala Maldonado*. El estado de la lingüística en Chiapas y Guatemala // *La antropología en Centroamérica: reflexiones y perspectivas*. México, 2010.

Сведения об авторе:

Игорь Андреевич Виноградов
Институт языкознания РАН
igor.vinogradov@iling-ran.ru

Статья поступила в редакцию 19.11.2012.